

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязатель-
ныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.;
на 3 мѣсяца—2 р. 80 к.; на 1 мѣсяць—1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.
—4 р.; на 3 мѣс. 2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 руб.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются въ д. Золотова, пр. Обука.
Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до
3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9 1/2 до 11 ч.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1274-й.

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую ежевѣдѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ пе-
реводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редак-
цію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ
размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при
печатаніи одинъ разъ—10 к., два раза—по 9 к. за строчку
свыше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употреб-
леніи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, укра-
шеній и политипажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взима-
ется за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при
газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и
проч. плата взимается по 1/2 коп. съ лота вса каждаго экзем-
пляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать день-
ги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя назначенія въ де-
ходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ
Главнаго Интендантскаго Управленія.

22 мая (3 іюня) 1894 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 36

по тѣмъ изъ бумагъ, по коимъ будетъ потребована выплата капитала. Владѣльцы бумагъ, которые пожелаютъ получить нарицательный капиталъ съ процентами по 1 сентября 1894 г., обязаны заявить не позже 4 июня 1894 г. Владѣльцы бумагъ, кои въ назначенный срокъ не заявятъ о желаніи получить нарицательный капиталъ, будутъ сочтены изъявившими согласіе на обмѣнъ оныхъ по расчету рубль за рубль нарицательнаго капитала на $5\frac{1}{2}\%$ закладные листы Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка съ купонами. Начиная со срока 1 ноября 1894 года выдача $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листовъ Дворянскаго банка въ обмѣнъ на 5% бумаги, по коимъ не была истребована выплата капитала, будетъ производиться въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ и въ сберегательныхъ кассахъ при уѣздныхъ казначействахъ, причемъ предъявителямъ закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и банковыхъ билетовъ 6-го выпуска будутъ одновременно выплачиваться проценты за время съ 1 января по 1 мая 1894 года.

Министръ путей сообщенія утвердилъ кондичіи для торговъ въ Н. Новгородѣ на производство работъ по выправленію рѣки Волги у переката Телячій бродъ; срокъ пятилѣтній, ассигновано 2,125,000 р.

✂ **Вѣсти объ экспедиціи въ Среднюю Азію.** —Получена слѣдующая телеграмма начальника экспедиціи въ Среднюю Азію, штабсъ-капитана Роборовскаго, отправленная изъ оазиса Сачжоу, 2 минувшаго марта, черезъ Кульджу:

«Изъ Люкчюна экспедиція прошла южной пустынной дорогой южнѣе Куфи, въ Сачжоу, куда пришелъ и Козловъ пустынею, черезъ Кизильсынырь и Лобъ-норъ; здѣсь наши пути сомкнулись, опоясавъ пустыню кругомъ. Три значительныхъ разѣзда въ глубь ея ознакомили съ ея нѣдрами. Съемки отъ Люкчюна 2,540 верстъ девять астрономическихъ пунктовъ. Убито для коллекціи шесть дикихъ верблюдовъ; прочія экспедиціонныя работы подвигаются своимъ чередомъ. Предполагаются еще два разѣзда въ сосѣднія горы до оставленія экспедиціей Сачжоу. Весна наступила, сѣютъ хлѣбъ. Отрядъ здоровъ и бодръ. Съ китайцами дружны. Инженера Обручева не встрѣчалъ. Подробнѣе письмомъ».

✂ **Панихида по К. П. Кауфману** —По словамъ *Новаго Времени*, туркестанцы 4-го мая отслужили въ Петербургѣ въ церкви Космы и Даміана панихиду по К. П. Кауфману, на которой присутствовали Г. А. Колпаковский, Н. И. Корольковъ и много другихъ лицъ. Газета прибавляетъ, что въ церкви былъ одинъ сартъ въ своемъ національномъ костюмѣ.

✂ **Тургайская область.** —По сообщенію той же газеты, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по ходатайству военнаго губернатора Тургайской области, предполагается, въ видѣ временной мѣры, впредь до пересмотра Степнаго положенія въ законодательномъ порядкѣ, назначить въ каждомъ изъ четырехъ уѣздовъ области вторыхъ помощниковъ уѣзднаго начальника изъ киргизовъ, съ производствомъ имъ опредѣленнаго содержанія на общемъ основаніи.

✂ **Куяндинско-Ботовская ярмарка** (Каркаралинскаго уѣзда). —Съ 25 мая откроется и будетъ дѣйствовать до 15 июня на этой ярмаркѣ Временное отдѣленіе Государственнаго Банка, подъ управленіемъ ст. сов. Хлопина. Отдѣленіе это будетъ производить слѣдующія операціи:

- 1) Учетъ векселей, съ назначеніемъ платежей во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣются конторы и отдѣленія Государственнаго банка;
- 2) пріемъ денегъ на переводъ по билетамъ и телеграммамъ въ тѣ же города и оплата переводовъ, сдѣланныхъ на ярмарку изъ другихъ конторъ и отдѣленій;
- 3) безпроцентный текущій счетъ;
- 4) пріемъ платежей за счетъ другихъ конторъ и отдѣленій, по учтеннымъ и комиссіоннымъ векселямъ;
- 5) выдача ссудъ подъ процентныя бумаги;
- 6) размѣнъ кредитныхъ билетовъ крупныхъ на мелкіе и обратнo*).

О ЗНАЧЕНІИ И ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА „САРТЪ“ (**).

(По поводу замѣтки г. В. Бартольда).

Въ № 19 *Окраины* за текущій годъ напечатана замѣтка г. В. Бартольда подъ заглавіемъ «О преподаваніи туземныхъ нарѣчій въ Самаркандѣ». Замѣтка эта касается какъ лично меня, такъ и моихъ лекцій

*) Къ этому извѣстію считаемъ необходимымъ добавить, что оно получено официальнымъ путемъ.

Ред.

**) Не раздѣляя изложеннаго въ этой статьѣ мнѣнія о происхожденіи слова „сартъ“, мы тѣмъ не менѣе весьма охотно даемъ мѣсто настоящему труду, такъ какъ онъ исполненъ однимъ изъ представителей туземнаго населенія, серьезно отнесшимся притомъ къ разбираемому имъ вопросу.

Ред.

узбекскаго языка, а потому считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе жестокихъ нападокъ на меня г. Бартольда.

Дѣло въ томъ, что въ № 146 той-же *Окраины* за прошлый годъ однимъ изъ „слушателей“ былъ напечатанъ краткій отчетъ о моей вступительной лекціи подъ заглавіемъ: „На лекціяхъ узбекскаго языка“; затѣмъ этотъ отчетъ былъ перепечатанъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ*, *Московскими Вѣдомостями* и другими газетами, въ томъ числѣ и *Оренбургскимъ Листкомъ*, подъ разными заглавіями. Г-нъ „Слушатель“, съ достаточною вѣрностью передавая все то, что мною было сказано относительно значенія и происхожденія слова *сартъ*, упустилъ изъ виду передать одно важное обстоятельство, а именно—въ своемъ отчетѣ онъ не помѣстилъ своевременно сдѣланныхъ мною ссылокъ на историческія сочиненія какъ мусульманской, такъ и русской литературы, очевидно, не имѣя подъ руками тѣхъ матеріаловъ, на которые я указывалъ. Этимъ-то упущеніемъ со стороны г. „Слушателя“ и воспользовался г. Бартольдъ, чтобы сказать не безъ нѣкотораго сознанія собственнаго достоинства: „Мы можемъ только удивляться, какъ г-нъ Лапинъ рѣшается говорить съ такимъ апломбомъ о вещахъ, о которыхъ повидимому не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Съ исторіей и литературой края онъ совершенно не знакомъ (продолжаетъ въ томъ же тонѣ г. Бартольдъ); иначе онъ зналъ бы, что уже у писателей XV и XVI в., Невая и Бабура, слово *сартъ* употребляется въ смыслѣ «персъ, таджикъ» и противопоставляется слову *тюркъ*, а не слову *казакъ*“.

Это заставляетъ меня говорить о самомъ себѣ, чего въ другое время, разумѣется, я не сдѣлалъ-бы. Тѣ писатели, имена которыхъ упоминаетъ г. Бартольдъ, т. е. Амиръ Наваи (а не Невая) и Бабуръ, извѣстны мнѣ, пожалуй, болѣе и ранѣе, чѣмъ г. Бартольду: о ихъ существованіи я зналъ по ихъ подлиннымъ сочиненіямъ, помимо книги г. Остроумова «Сарты» и другихъ сочиненій на европейскихъ языкахъ, откуда, какъ надо полагать, черпаетъ свои свѣдѣнія о мусульманскихъ писателяхъ г. Бартольдъ. Съ Амиромъ Наваи*) я знакомъ съ мактаба настолько-же, насколько, быть можетъ, знакомъ г. Бартольдъ со школьной скамьи съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и пр. Повторяю, я зналъ ихъ и безъ авторитетнаго указанія г. Бартольда и никогда не отрицалъ того, что у названныхъ писателей упоминается слово *сартъ*; напротивъ, на нихъ-то именно я и ссылаюсь и ссылаюсь для подтвержденія своего мнѣнія о значеніи слова *сартъ*, такъ какъ эти писатели (какъ заявляетъ и самъ г. Бартольдъ) употребляли слово *сартъ* въ смыслѣ „персъ, таджикъ“ въ противоположность слову *тюркъ*, а, слѣдовательно, и слову *казакъ*, ибо «казаки» также причисляются къ тюркскимъ племенамъ, чего, надѣюсь не можетъ отрицать и г. Бартольдъ.

Послѣ этого становится совершенно непонятной логика г. Бартольда, называющаго сартами только „осидлыхъ туземцевъ преимущественно Сыръ-дарьинской и частью Ферганской областей и Аму-дарьинскаго отъѣла“, которые, какъ безъизвѣстно должно быть г. Бартольду, говорятъ исключительно на языкѣ *тюркскаго корня*, что идетъ въ разрѣзъ показаніямъ Наваи и Бабура, которые приурочиваютъ слово *сартъ* къ „персамъ таджикамъ“, *неговорящимъ потюркски*!)

Отвѣчая на замѣтку г. Бартольда, пользуюсь случаемъ высказать свое мнѣніе по данному вопросу и, не принимая близко къ сердцу рѣзкихъ выраженій г. Бартольда, спокойно поведу рѣчь.

Надъ разрѣшеніемъ *сартскаго вопроса* (если такъ можно выразиться) трудились многія лица, но, къ сожалѣнію, онъ и донинѣ не можетъ считаться рѣшеннымъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1876 г. въ С.-Петербургѣ на Третьемъ Международномъ съѣздѣ ориенталистовъ въ такой формѣ: „насколько можно прослѣдить въ историческихъ памятникахъ народныя имена «сартъ» и «таджикъ» и какія заключенія можно вывести изъ показаній этихъ памятниковъ относительно первоначальнаго и послѣдовательнаго значенія сихъ именъ?»

На основаніи вышеприведенныхъ показаній мусульманскихъ писателей, Наваи и Бабура, первую половину этого вопроса (о первоначальномъ значеніи слова *сартъ*) можно считать рѣшенной, если къ тому еще прибавить мнѣніе профессора Германа Вамбери, извѣстнаго путешественника по Средней Азіи, который по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Турки (тюрки) всегда первоначальныхъ жителей Трансоксаніи (Маваруль-нахара) называли *сартами*. Происхожденіе этого послѣдняго слова мнѣ неизвѣстно; его употреблялъ уже знаменитый Миръ-Али-Ширъ (Навай), называя въ своемъ трактатѣ „О персидскомъ и турецкомъ (тюркскомъ) языкахъ“ первый языкъ всегда „сартъ-тили“, а „не таджикъ-тили“. Поэтому слово *сартъ* можно основательно при-

*) Нѣкоторые біографическія свѣдѣнія объ этомъ знаменитомъ тюркскомъ поэтѣ будутъ помѣщены ниже.

нять за *турецкое* (тюркское) *название таджика*“.

Останавливаясь пока на этомъ, прослѣдимъ теперь ходъ послѣдовательнаго употребленія слова *сартъ*, т. е. попробуемъ отвѣтить на вторую половину приведеннаго выше вопроса.

Какъ намъ достовѣрно извѣстно изъ историческихъ источниковъ, коренными жителями Трансоксаніи, т. е. Маваруль-Нахара, по крайней мѣрѣ, въ эпоху проникновенія сюда ислама, съ одной стороны, и вторженія тюркско-монгольскаго племени, съ другой—считаются нынѣшніе таджики, древніе иранскіе выходцы. Эти таджики, утративъ съ теченіемъ времени свою самостоятельность, подпали подъ владычество узбековъ, народа тюркскаго племени. Побѣдители узбеки, будучи въ полудикомъ состояніи и постоянно соприкасаясь съ подчиненными имъ таджиками, не могли, разумѣется, устоять противъ вліянія просвѣщенія и культуры послѣднихъ, что выразилось въ двухъ главныхъ фактахъ: 1) узбеки, бывшіе до того времени язычниками, стали принимать отъ таджиковъ исламъ*) вмѣстѣ съ арабскою письменностью и ученостью, и 2) близко стоявшая къ таджикамъ часть узбековъ начала мѣнять свой прежній кочевой образъ жизни на осѣдлый, занимая мѣста въ городахъ и селеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло въ свою очередь два важныхъ послѣдствія,—во 1-хъ, съ переменною образа жизни главными источниками благосостоянія у осѣвшихъ узбековъ, какъ и у таджиковъ, сдѣлались торговля, земледѣліе и ремесла, и, во 2-хъ, эти узбеки, ставъ въ весьма близкія отношенія къ таджикамъ, не обошлись безъ смѣшенія съ ними, что и способствовало образованію узбекско-таджикской помѣси, у которой не осталось почти ничего національнаго, кромѣ родного узбекскаго языка. Эти оттаджившіеся узбеки, хотя и сохранили свой родной языкъ, на которомъ они говорятъ до сего времени, но по своему внѣшнему виду, образу жизни и по складу нравовъ и обычаевъ очень мало отличались отъ настоящихъ *таджиковъ-сартовъ*, почему легко производили впечатлѣніе *сарта* на киргизъ и узбековъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи. Отсюда ясно, что слово *сартъ* на языкахъ киргизъ и первобытныхъ узбековъ приняло болѣе широкое примѣненіе, обозначая собою понятіе какъ оттаджившихъ, такъ и объ осѣвшихъ узбекахъ и другихъ тюркскихъ народностяхъ (кипчаковъ, мангытовъ и пр.), принявшихъ таджикскую культуру, т. е. о всемъ осѣдломъ населеніи, въ какомъ смыслѣ оно употребляется и донынѣ.

Но слово *сартъ* никогда не употреблялось и не употребляется туземцами въ смыслѣ названія особой народности. Правда, нѣкоторые изъ туземцевъ узбекско-таджикской помѣси, не знающіе исторіи своего происхожденія, на предложенный имъ, преимущественно русскими, вопросъ: кто они по происхожденію?—отвѣчаютъ, что они сарты, и при этомъ, пожалуй, отличаютъ себя отъ таджиковъ, узбековъ и другихъ народностей. Но это объясняется тѣмъ, что узбекско-таджикская помѣсь не присвоила себѣ особаго названія, точно опредѣляющаго ее, что и даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Отсюда понятно, что нѣкоторые изъ этихъ *новыхъ сартовъ*, будучи поставлены въ затруднительное положеніе—назвать себя по происхожденію, именуютъ себя растяжимымъ словомъ *сартъ*, такъ какъ ни таджиками, ни узбеками**) и ни кѣмъ другимъ называть себя не могутъ. На этомъ и основано мнѣніе г. Остроумова и нѣкоторыхъ другихъ, что *сартъ* есть названіе особой народности, отличной отъ таджиковъ, узбековъ и др. Мы же, не придавая никакого значенія показаніямъ сартовъ, образовавшихся отъ узбекско-таджикской помѣси, считаемъ, для установленія правильнаго пониманія слова *сартъ*, важными мнѣнія другихъ народовъ, которые это слово понимаютъ и употребляютъ такъ: кочевники-киргизы и полукочевые узбеки, а за ними татары и большинство русскихъ подъ словомъ *сартъ* понимаютъ всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана, не дѣлая различія между таджиками и народомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія узбековъ, отчасти киргизъ и другихъ народностей съ таджиками; таджики Бухары и Самарканда подъ словомъ *сартъ* понимаютъ себя, хотя между собой они не употребляютъ этого выраженія, при чемъ объясняютъ, что этимъ именемъ ихъ прозвали киргизы и узбеки, а народъ, образовавшійся отъ смѣшенія, они относятъ къ узбекскому племени и языкъ этого народа называютъ „узбекъ“ въ противоположность своему языку „таджикъ“; они

почти никогда не употребляютъ выраженія „сартъ-тили“, а если и скажутъ въ разговорѣ съ русскими „сартча“ (по-сартски), то подъ этимъ послѣднимъ разумѣютъ свой *таджикскій языкъ*.

Что подъ именемъ *сартъ* должно понимать все осѣдлое населеніе, то это, помимо народнаго употребленія этого слова, подтверждается многими изъ русскихъ и западно-европейскихъ авторовъ, мнѣнія которыхъ, я считаю нужнымъ привести*).

Вотъ эти мнѣнія:

1) Пашино въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, изданныхъ имъ въ С.-Петербургѣ въ 1868 г., подъ заглавіемъ „Туркестанскій край въ 1866 году“, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „я осмѣливаюсь, впрочемъ, сдѣлать слѣдующее предположеніе, что народъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ сартовъ и встрѣчающійся въ каждомъ населенномъ пунктѣ отъ Каспійскаго моря (?) до Небесныхъ горъ, происходитъ отъ тѣхъ персидскихъ переселенцевъ, которые, волею или неволею, явились сюда во время завоеваній эпохи Чингизъ-хана, въ качествѣ ученыхъ, искусныхъ строителей, мастеровъ, учителей различныхъ ремеселъ и просто военнопленныхъ. Что сарты персидскаго происхожденія, отчасти убѣждаетъ насъ то, что многіе изъ нихъ знаютъ *персидскій языкъ* и что въ такомъ государствѣ, какъ Кокандское ханство, гдѣ главная масса населенія говоритъ на *нарѣчіяхъ тюркскихъ*, языкъ этотъ сдѣлался языкомъ официальнымъ“.

„Сарты бухарскіе не знаютъ другого языка, кромѣ персидскаго (?), *кокандскіе-же* говорятъ на джагатайскомъ нарѣчіи тюркскаго языка“.

2) Робертъ-Ша (великобританскій комисаръ въ Ладакѣ), на основаніи личныхъ распросовъ у туркестанскихъ туземцевъ, подраздѣляя послѣднихъ по племеннымъ отличіямъ на двѣ группы, въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „*сарты или осѣдлый народъ включаютъ арійскихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и др.*“. Для насъ важно также еще слѣдующее замѣчаніе Р. Ша, дѣлаемое имъ въ выносѣ, гдѣ онъ говоритъ: „они (т. е. русскіе, по мнѣнію которыхъ сарты являются тождественными съ таджиками**) рѣшительно ошибаются: всѣ кокандцы, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать въ Восточномъ Туркестанѣ, единодушно говорили, что *сартъ есть только имя, подъ которымъ киргизы подразумѣвали всякаго некуюющего, будь онъ таджикъ или узбекъ*“.

3) Скайлеръ, посѣтившій Туркестанскій край въ 1873 г., говоритъ слѣдующее: „Туземное населеніе здѣсь (въ Ташкентѣ), какъ равно и во многихъ мѣстахъ Туркестана, извѣстно подъ названіемъ сартовъ, но это названіе не имѣетъ никакого этнологическаго значенія, какъ Робертъ Ша (см. выше) одинъ изъ первыхъ показалъ. Согласно показаніямъ туземцевъ, все населеніе страны раздѣляется на два класса: осѣдлыхъ и кочующихъ; *кочующіе называются казаками, а осѣдлое населеніе извѣстно подъ именемъ сартовъ*“.

4) По мнѣнію покойнаго русскаго профессора по кафедрѣ исторіи Востока В. В. Григоріева (какъ свидѣлствуетъ г. Остроумовъ) слово *сартъ* означаетъ горожанина; „такъ въ Средней Азіи одинаково называютъ осѣдлое населеніе, говорящее языкомъ одного происхожденія съ персидскимъ, какъ и *турокъ* (тюрковъ), когда эти послѣдніе, сдѣлавшись осѣдлыми, занимаются земледѣліемъ или городскими промыслами“.

5) Г-нъ Пантусовъ въ своей статьѣ: „Фергана по запискамъ султана Бабера“ говоритъ: „Сарты или таджики суть жители городовъ и деревень, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею и ремеслами. Они говорятъ *по персидски*, въ противоположность тюркамъ, и представляютъ, повидимому, остатки древняго населенія“ (Г-нъ Пантусовъ понимаетъ слово *сартъ* въ первоначальномъ его значеніи).

6) Федченко заявляетъ: „слово *сартъ*, которымъ русскіе называютъ сплошь все здѣшнее населеніе, не имѣетъ у туземцевъ какого-либо политическаго, этнографическаго или антропологическаго значенія, а служитъ только для означенія жителей городскихъ и вообще осѣдлыхъ“.

7) Въ каталогѣ Туркестанскаго отдѣла Политехнической выставки свидѣлствуется слѣдующее: „Названіе *сартъ* употребляется русскими для обозначенія всѣхъ осѣдлыхъ жителей Туркестана и перешло къ русскимъ отъ киргизъ и жителей городовъ по правую сторону Сыръ-дарьи“.

8) Э. Реклю такъ говоритъ о сартахъ: „имя сартовъ всего чаще употребляется для обозначенія не особой національности, а только класса, отличающагося родомъ занятій и нравами. Осѣдые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ цивилизованныхъ таджиковъ (?), называются сартами безъ различія происхожденія; нѣкоторые писатели подводятъ и таджиковъ подъ это общее имя, даваемое всему гражданскому населенію Туркестана“. „Когда киргизъ или

*) По показанію Мухамедъ-Хайдара, автора исторіи „Тарихи-Рашиди“, монгольскій ханъ Туглыкъ-Темуръ одинъ изъ первыхъ принялъ исламъ отъ таджика мавлана Шайхъ-эддина, сына мавлана Шуджаъ-эддина, посланнаго Чингизомъ въ Каракурмъ.

**) Именемъ „узбекъ“ въ настоящее время называютъ полукочевые туземцы, преимущественно Самаркандской области и Бухарскаго ханства, избѣжавшіе смѣшенія съ таджиками.

*) Приводя мнѣнія этихъ авторовъ, я пользовался книгою г. Остроумова „Сарты“, этнографич. матеріалы, вып. I, Ташкентъ, изд. 1890 г.

**) Надо полагать по происхожденію.

узбекъ-кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построить себѣ тамъ домъ и займется торговлею или промышленностью, его дѣти становятся сартами“. Далѣе Реклю, говоря о языкѣ сартовъ, замѣчаетъ: „Впрочемъ, языкъ сартовъ разнится по городамъ: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ, въ Кульджѣ они говорятъ турецкимъ (тюркскимъ) языкомъ, тогда какъ въ Ходжентѣ или Самаркандѣ они употребляютъ персидскій“.

9) Г-нъ Наливкинъ въ своей „Краткой исторіи Кокандскаго ханства“ говоритъ слѣдующее: „Слово сартъ, въ смыслъ названія туземнаго узбекскаго и таджикскаго осѣдлаго населенія, употребляется не въ одной только Ферганѣ, а во всей вообще Средней Азии“.

10) Костенко говоритъ: «Племена сартовъ нѣтъ; этимъ именемъ русскіе, вслѣдъ за кочевниками, окрестили осѣдлое населеніе Туркестана,—населеніе, живущее въ городахъ и деревняхъ и занимающееся земледѣліемъ, ремеслами и торговлею. Народности, получившія это названіе, весьма различны по языку и по происхожденію, но имѣютъ общія духовныя и нравственныя свойства, а также практикуютъ почти одинаковый образъ жизни.

Сартами называются: 1) таджики, народъ иранскаго происхожденія—исконные обитатели Средней Азии, населяющіе нынѣ по преимуществу предѣлы Зеравшанскаго округа и частью Ходжентскій уѣздъ; 2) осѣвшіе узбеки, татары, киргизы и разныя народности, происшедшія отъ взаимнаго ихъ смѣшенія и населяющія туземные города Сыръ-дарьинской и Ферганской областей и Зеравшанскаго округа и живущіе въ качествѣ торговцевъ въ городахъ Семирѣченской области, и, наконецъ, 3) таранчи—осѣдлое мусульманское племя, составляющее преобладающее населеніе Кульджинскаго района.

Всѣ эти народности, носящія общее имя-сартовъ, сами себя не называютъ этимъ именемъ, а именуются по названіямъ городовъ, въ которыхъ проживаютъ; такъ, обыватель Ташкента называетъ себя ташкенлыкомъ (ташкентцемъ), обыватель Ходжента—ходженлыкомъ и пр.

Языкъ сартовъ также различный: въ Самаркандѣ и Ходжентѣ, напр., таджикскій, тогда какъ въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Кульджѣ—тюркскій. Но зато образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы“.

11) Наконецъ, переводческая комиссія (подъ предсѣдательствомъ В. П. Наливкина) при переводѣ на тюркскій языкъ дѣйствующаго нынѣ Положенія объ управленіи Туркестанскаго края вездѣ употребляетъ выраженіе сартія (собирательная форма отъ слова сартъ), обозначая имъ понятіе о всемъ осѣдломъ населеніи края*). Переводческая комиссія, состоявшая изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ и лицъ, вполне знающихъ языки, не могла исказить смыслъ Положенія, подразумѣвая подъ словомъ сартія только „осѣдлыхъ туземцевъ преимущественно Сыръ-дарьинской и частию Ферганской областей и Аму-дарьинскаго отдѣла“; напротивъ, выраженіе сартія употреблено комиссіей съ полнымъ пониманіемъ значенія его, а именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово въ настоящее время понимается самимъ туземнымъ населеніемъ и въ какомъ встрѣчается оно въ грамотахъ кокандскихъ правителей, т. е. въ смыслѣ названія всего осѣдлаго населенія въ противоположность кочевому населенію (илатія).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣсяца—2 р. 80 к.; на 1 мѣсяць—1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс. 2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 руб.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются въ д. Золотова, пр. Обуха. Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9 1/2 до 11 ч.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1276-й.

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 к., два раза—по 9 к. за строчку свыше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и полиטיפажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по 1/2 коп. съ лота въса каждаго энземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты, доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

29 мая (10 іюня) 1894 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 38

Отъ 25 мая:

Харьковъ. Отдѣленіе окружного суда въ Луганскѣ приговорило убійцъ семьи Ацимовичей, Казеева и Пирожкову къ безсрочной, а Полуляхова, какъ несовершеннолѣтняго, къ двадцатилѣтней каторгѣ.

Петербургъ. Проекты: положенія о казенной продажѣ питей, объ установленіи правительственнаго надзора за операціями страховыхъ обществъ, а также новый уставъ Государственнаго Банка и проекты: устройства въ Петровскомъ-Разумовскомъ сельскохозяйственнаго института и преобразования Московскаго Техническаго училища — Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи разсмотритъ на-дняхъ.

По поводу назначенія русскаго министра-резидента при папѣ *Journal de S-Petersbourg* указываетъ на важность возстановленія официальныхъ сношеній Россіи съ св. престоломъ; это знаменіе нормального порядка вещей и залогъ мира и добраго согласія въ будущемъ; возстановленіе сношеній окажетъ цѣлебное вліяніе на русскихъ католиковъ, поддерживая въ духовенствѣ и вѣрующихъ въ вѣрнопопданническія чувства, которыя папа внушалъ въ своей энцикликѣ къ польскимъ епископамъ.

Комисія торговаго обложенія освободила отъ налога конторы промышленныхъ заведеній, товарные склады при оплаченныхъ заведеніяхъ, принадлежащіе отставнымъ чинамъ, поступившимъ на службу до 1858 года, торговые и ремесленные заведенія, содержаніе отдѣльныхъ станцій, меблированныхъ комнатъ не болѣе шести, престопадныхъ зрѣлища, благотворительныя выставки и спектакли, произведенія печати, судосберегательныя товарищества.

Комисія Министерства Финансовъ постановила съ 15 іюня взимать при вывозѣ керосина за границу наличными четырнадцать копеекъ, а внутри Россіи девятнадцать.

Персидскій шахъ. — Насръ-Эддинъ издалъ описаніе своего путешествія по Европѣ въ 1889 году. Записки составлены сухо и однообразно, но все описано точно, съ большими подробностями. Авторъ съ любовью предавался своему дѣлу, дѣлая замѣтки по ночамъ, когда всѣ бывали утомлены и отдыхали. Вамбери, служившій ему одно время переводчикомъ, удивляется многосторонности, внимательности и такту, съ которымъ шахъ касался своего предмета. Насръ-Эддинъ въ молодости писалъ стихи, которые, по отзыву того же Вамбери, не лишены поэтическаго настроенія и нѣкотораго разнообразія. Дѣдъ его, шахъ Фехтъ-Али, тоже обладалъ поэтическимъ даромъ. О немъ рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Этотъ гордый повелитель имѣлъ обыкновеніе читать свои произведенія своему придворному поэту. Однажды тотъ вздумалъ критиковать стихи своего повелителя. „Выведите его отсюда! — кричалъ разгнѣванный шахъ. — Сведите въ конюшню и привяжите этого осла къ яслямъ подлѣ его долгоухаго сродника!“ Сдѣлано, какъ приказано. Черезъ нѣсколько недѣль шаха снова посетило вдохновеніе, и онъ, забывъ о неумѣстной откровенности своего поэта, приказалъ позвать его къ себѣ. Шахъ прочелъ ему нѣсколько строфъ. Критикъ задумался, помолчалъ, и вдругъ обратился въ бѣгство. „Куда ты?“ — кричалъ вслѣдъ ему шахъ. „Назадъ, въ конюшню, ваше величество!“ Шахъ разсмѣялся и простилъ поэта. (С.-Петерб. Вид.)

О ЗНАЧЕНИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА „САРТЪ“.*)

(По поводу замѣтки г. В. Бартольда).

Послѣ всего вышеприведеннаго я не вижу основаній называть сартами только одну узбекско-таджикскую помѣсь, тѣмъ болѣе, что у насъ на лицо тотъ народъ, которому впервые дано это названіе и который до сего времени откликается на этотъ зовъ. По крайнему моему убѣжденію, мы не только не имѣемъ на это основаній, но даже и права, такъ какъ это значило-бы противорѣчить исторіи и живой дѣйствительности и совершать насиліе надъ народной привычкой, сложившейся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Придя къ такому заключенію, нельзя отчасти не согласиться съ мнѣніемъ Миддендорфа, который говоритъ: „Сартъ“ названіе неудачное, могущее легко повести къ недоразумѣніямъ, а потому его слѣдовало-бы вычеркнуть изъ этнографическаго словаря, подобно другому термину «татарскіе народцы», которымъ такъ много злоупотребляли“. Дѣйствительно, не только

слѣдуетъ, но и должно даже вычеркнуть это слово изъ этнографическаго словаря, какъ названіе особой народности, оставивъ его лишь для употребленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли его понимать, т. е. въ смыслѣ названія всего туземнаго осѣдлага населенія края.

Если въ настоящее время подъ словомъ *сартъ* мы понимаемъ все осѣдлое населеніе, то подъ выраженіемъ „сартъ-тили“ мы должны понимать «языкъ осѣдлага населенія»; такого-же языка на самомъ дѣлѣ нѣтъ, ибо осѣдлое населеніе, какъ это мы уже видѣли, говоритъ на языкахъ двухъ различныхъ корней — тюркскаго и персидскаго. Выраженіе „сартъ-тили“ могло быть употребляемо во времена Наваи, когда подъ словомъ *сартъ* разумѣлся одинъ таджикскій народъ, а потому и не могло быть недоразумѣній; въ наше-же время, когда слово *сартъ* приняло столь широкое примѣненіе, это выраженіе не можетъ быть употребляемо, какъ названіе особаго языка, до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ употребленія таджикскій языкъ и все осѣдлое населеніе не станетъ говорить на одномъ языкѣ.

И такъ не было и нѣтъ у насъ особой народности *сартовъ*, какъ равно нѣтъ особаго *сартскаго языка* (сартъ-тили). Если уже необходимо для науки назвать узбеко-таджикскую помѣсь особымъ именемъ, отличающимъ ее отъ другихъ народностей (что, пожалуй, и справедливо), то слѣдуетъ установить для этого какое либо другое названіе: „чала-узбекъ“, „чала-таджикъ“*) или что-нибудь въ этомъ родѣ, а слово *сартъ* всего менѣе пригодно для этой цѣли. Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, какъ условный знакъ, а сама эта помѣсь во вновь выдуманномъ названіи вовсе не нуждается, ибо она умѣетъ отличать себя отъ другихъ, называя себя по мѣсту жительства: „кокандлыкъ“, „ташкянлыкъ“, „туркестанлыкъ“ и т. п.

Что касается до языка этой безымянной народности, то правильнѣе всего назвать бы его новоузбекскимъ языкомъ, потому что, во 1-хъ), этотъ языкъ относится къ тюркскому корню и ближе всего подходитъ къ узбекскому языку; разница между ними произошла главнымъ образомъ отъ воздѣйствія персидскаго языка, придавшаго языку, о которыхъ идетъ рѣчь, много новыхъ словъ и оборотовъ и сообщившаго ему мягкость и звучность, и, во 2-хъ, съ приходомъ русскихъ этотъ новоузбекскій языкъ, *вытѣснивъ прежній*, персидскій, болѣе и болѣе становится языкомъ официальнымъ, даже въ Самаркандѣ и Бухарѣ, гдѣ главная масса населенія говоритъ по-таджикски**).

Давъ этому языку названіе новоузбекскаго, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, подраздѣлить его на четыре главныхъ нарѣчій, а именно: 1) нарѣчіе Сыръ-дарьинской области (замѣтно вліяніе киргизскаго языка); 2) нарѣчіе Ферганской области; 3) нарѣчіе Аму-дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства (вліяніе туркменскаго языка) и, наконецъ, 4) нарѣчіе Самаркандской области и Бухарскаго ханства (сильное вліяніе таджикскаго языка). При такомъ дѣленіи по нарѣчіямъ, г. г. Джизакъ и Ходжентъ должны отойти отъ Самаркандской области, — первый въ Сыръ-дарьинскую, а второй въ Ферганскую область.

Перейдемъ теперь къ объясненію происхожденія слова *сартъ*.

Г. нъ Бартольдъ, желая опровергнуть мое предположеніе, что слово *сартъ* есть прѣзвище, данное киргизами осѣдлому населенію и что это слово состоитъ изъ словъ «сары-ить», говоритъ, что нынѣшній киргизскій народъ во времена Наваи и Бабуръ (т. е. въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. в.) еще образовывался только и не имѣлъ сношеній съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ вышли эти писатели. „Изъ это-

*) Выраженіе „чала“ въ данномъ случаѣ означаетъ народную помѣсь, такъ, напр., „чала-узбекъ“ = полу-узбекъ и т. п.

**) Въ Самаркандской области въ настоящее время всѣ официальные документы совершаются на ново-узбекскомъ языкѣ; на томъ-же языкѣ идетъ переписка русскихъ съ Бухарскимъ правительствомъ.

го видно (заключаетъ онъ), что терминъ *сартъ* придуманъ во всякомъ случаѣ не киргизами“. Къ сожалѣнію, г. Бартольдъ не указываетъ источника, откуда онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія о времени образованія киргизскаго народа; относя поэтому это мнѣніе г. Бартольда къ голословнымъ предположеніямъ, мы болѣе склонны вѣрить тому, что свидѣтельствуютъ намъ о томъ извѣстные солидные источники: «Въ восточныхъ лѣтописяхъ киргизы впервые упоминаются въ V в. Они обитали въ это время въ южныхъ частяхъ нынѣшнихъ губерній Енисейской и Томской, въ долинѣ верхняго Енисея, доходя на югъ до горъ Тот-ну. Въ IX в. киргизы распространили свое владычество далеко на югъ до Памирскаго плоскогорія и достигли наибольшаго могущества. Но уже въ X в. вовсе исчезли изъ исторіи и вновь появились лишь въ XIII ст. въ видѣ двухъ отдѣльныхъ группъ: на Бейкемѣ, въ своей первобытной родинѣ, и въ горныхъ долинахъ Тянь-Шаня (изъ первой группы въ послѣдствіи образовались киргизъ-кайсаки, а изъ второй кара-киргизы). Киргизъ-кайсаки*) впервые упоминаются въ исторіи въ XV в., при этомъ въ лѣтописи ведутъ происхожденіе ихъ отъ узбековъ, владѣвшихъ въ то время всѣмъ Дашти-кипчакомъ**). Въ XV в. притѣсненія хана Абулхайра вызвали бѣгство нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ на западъ въ сосѣдній Мугулистанъ. Бѣглецы эти, названные кайсаками (бездомные, бѣглецы), усилились новыми недовольными изъ Дашти-кипчака и выходцами собственно киргизами и къ 1465 г. составили уже довольно сильный народъ киргизъ-кайсаковъ. Съ 1465 г. сила ихъ стала расти, они начали тѣснить сосѣднія племена, овладѣли почти всѣмъ Дашти-кипчакомъ и къ 1537 г. достигли наибольшаго могущества въ степяхъ***).

Обращаясь затѣмъ къ источникамъ мусульманской литературы, мы находимъ слѣдующія указанія:

Послѣ единокровнаго эмира Тимура государство его раздѣлилось на нѣсколько мелкихъ ханствъ по числу его сыновей и внуковъ. Съ размноженіемъ рода тимуридовъ, съ одной стороны, и съ усиленіемъ династии джуджидовъ****), съ другой, стало увеличиваться и число претендентовъ на тотъ или другой ханскій престолъ, что неизбѣжно повело къ частымъ междоусобицамъ войнамъ. Побѣжденные ханы въ большинствѣ случаевъ были убиваемы противниками, а нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось спастись бѣгствомъ въ Иранъ и другія сосѣднія ханства, недружелюбно смотрѣвшія на возвышенія прочихъ. Между прочимъ, иные изъ такихъ хановъ, лишен-

ныхъ своего трона, находили убѣжище, а иногда и защиту въ степяхъ, среди *вольныхъ казаковъ* (киргизъ). Такъ, напримѣръ, когда Мирза-Улугъ-бекъ, знаменитый внукъ Тимура*), основатель медресе своего имени въ Самаркандѣ, покровитель ислама и наукъ, отлучился изъ Самарканда на восемь мѣсяцевъ для покоренія Хорасанскаго ханства, старшій сынъ его Абдулъ-Латифъ, бывшій въ то время въ Балхѣ, изъ опасенія, что самаркандскій престолъ послѣ смерти Мирза-Улугъ-бека перейдетъ къ любимому сыну послѣдняго Абдулъ-Азизу, воспользовался отсутствіемъ отца и силою оружія занялъ Самаркандъ, умертвивъ Абдулъ-Азиза, временно управлявшаго Самаркандомъ. Когда всѣ попытки отнять отъ сына самаркандскій престолъ оказались не только тщетными, но и опасными для собственной жизни, Мирза-Улугъ-бекъ рѣшился бѣжать въ *киргизскія степи* и искать себѣ тамъ помощи. На полпути своего бѣгства онъ перемѣнилъ намѣреніе и вернулся обратно въ Самаркандъ, къ сыну, съ повинной. Властолюбивый Абу-Латифъ не пощадилъ и отца: по его желанію, судъ казіевъ и улемовъ приговорилъ Мирза-Улугъ-бека къ смертной казни. Это было въ 853 г. гиджры. Абу-Латифу не долго пришлось пользоваться властью, добытою кровью отца: черезъ шесть мѣсяцевъ онъ самъ былъ умерщвленъ Баба-Хусайномъ, однимъ изъ приближенныхъ Мирза-Улугъ-бека**). До этого времени еще Султанъ-Абу-Сагидъ (тоже изъ тимуридовъ), спасаясь отъ преслѣдованій Мирза-Улугъ-бека, нѣсколько лѣтъ скитался среди *киргизъ*, подолгу проживая въ г. Туркестанѣ. Когда Абдулъ-Латифъ былъ убитъ и на самаркандскій престолъ, за прекращеніемъ потомковъ Мирза-Улугъ-бека по мужской линіи, сѣлъ зять его султанъ Абдулла, то Абу-Сагидъ вскорѣ же послѣ этого при помощи Абулхайръ-хана на Джамбаѣ одержалъ побѣду надъ Абдуллой и, убивъ послѣдняго, занялъ Самаркандъ, причемъ въ числѣ его воиновъ упоминаются имена нѣсколькихъ *киргизъ*.

Еще одинъ случай, прямо указывающій, что киргизы, вопреки заявленію г. Бартольда, въ первой половинѣ XV в. имѣли сношенія съ населеніемъ мѣстностей, откуда вышли Наваи и Бабуръ: Миръ-Али-Ширъ, прозванный Амиръ Наваи, происходилъ изъ узбекскаго рода Уйгуръ и родился въ 844 г. гиджры; отецъ его, по имени Кичкинъ-Бахжи, человѣкъ не богатый, занимался колдовствомъ. Молодой Миръ-Али-Ширъ, отличавшійся красотой и умомъ, попалъ въ число молодыхъ людей, окружавшихъ хана Бабура***); здѣсь онъ подружился съ Мирза-Султанъ Хусайномъ****). Когда послѣдній,

*) „Кайсакъ“—искаженное „казакъ“.

**) Если въ давнія времена существовало названіе мѣстности „Дашти-кипчакъ“ (кипчакская степь), то кипчаки занимали эту мѣстность, а кипчаки—одно изъ киргизскихъ племенъ (Большой орды).

***). Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, составленная подъ главн. ред. ген.-лейт. Леера, заслужен. проф. Ник. Академіи Ген.-Шт., т. IV, С.-П. Б., 1889 г., стр. 242.

****). Чагатай и Джуджи сыновья Чингизъ-хана; отъ перваго произошли тимуриды, а отъ втораго джуджиды, которые послѣ Абулхайръ-хана извѣстны болѣе подъ именемъ шайбанидовъ.

*) Мирза-Улугъ-бекъ, сынъ Шахруха, сына Тимура.

**) По этому поводу въ народѣ сложилось слѣдующее двустигіе: „падаръ-кушъ падахира няшадъ, атаръ шадъ бя-джуз тяшъ ма няшадъ“, т. е. не можетъ быть царемъ отецъ-убійца, если и будетъ, то не удержится болѣе шести мѣсяцевъ.

***). Этотъ Бабуръ, называемый Абулкасими, сынъ Байсунгура, сына Шахруха, сына Тимура.

****). Султанъ-Хусайнъ сынъ Мирза-Мансура, сына Гіаседдина Байкаринскаго, сына Омаръ-Шайха, сына Тимура.

женившись на дочери престарѣлаго мервскаго хана Искандара въ 861 г. гиджры, сѣлъ на мервскій престолъ, то перешелъ къ нему въ услуженіе и Миръ-Али Ширъ; съ этого времени онъ навсегда остался при султанѣ Хусайнѣ, въ качествѣ перваго совѣтника, друга и придворнаго поэта. Лѣтъ черезъ пять султанъ Хусайнъ, поссорившись съ тестемъ, долженъ былъ оставить Мервъ. Его завѣтной мечтой было завладѣть Гератомъ, своей родиной, но, не имѣя для этого достаточной силы, онъ рѣшился просить помощи у Абулхаиръ-хана, враждовавшаго тогда съ тимуридами; съ этою цѣлью онъ отправился въ Ховарезмъ, гдѣ былъ очень любезно принятъ ханомъ и заручился его полною готовностью помочь. Но вскорѣ же послѣ этого Абулхаиръ-ханъ умеръ отъ болѣзни ногъ, и въ Ховарезмѣ начались неурядицы. Султанъ Хусайнъ, видя неблагопріятный исходъ своего предпріятія, отправился къ киргизамъ, занимавшимъ земли къ юго-востоку отъ Дашти-кипчака. Долго онъ скитался среди киргизъ. Историкъ Мавлана-Васифи, со словъ людей, сопоставлявшихъ султану Хусайну, говоритъ, что „Мирза Султанъ-Хусайнъ въ безводныхъ киргизскихъ степяхъ (чули-казакіянъ) для вѣрныхъ своихъ спутниковъ служилъ тѣнистымъ деревомъ, подъ которымъ они находили пріятную прохладу“. Хотя исторія опредѣленно не говоритъ, получили-ли султанъ Хусайнъ отъ киргизъ помощь или нѣтъ,—но даетъ указаніе, что въ числѣ 17 главныхъ воеводъ султана находились два брата Абдурахманъ и Кадыр-берди, *изъ киргизскаго рода Артынъ*, изъ которыхъ первый умеръ отъ двухъ ранъ, полученныхъ имъ при осадѣ крѣпости Хаяукъ (?); это же даетъ намъ основаніе предполагать, что въ войскахъ султана Хусайна *киргизскіе батыри* играли нѣкоторую роль. Въ 873 г. султану Хусайну удалось занять Герать, гдѣ онъ и царствовалъ до конца своей жизни (842—911 г.). Миръ-Али-Ширъ (прозванный по тюркскимъ сочиненіямъ Наваи, а по персидскимъ—Фани) лично участвовалъ при осадѣ Герата и все время оставался въ немъ*), пользуясь безграничною милостью и довѣріемъ своего друга султана Хусайна; умеръ онъ холостымъ въ 906 г. гиджры**).

Если ко всему этому прибавить что Бабуръ, называемый Захируддиномъ, въ отличіе отъ Бабура-Абулкасыми (авторъ „Бабуръ-Намы“), умеръ тридцатью годами позже Амира Наваи, то въ достаточной степени выясняется голословность предположенія г. Бартольда, что будто-бы „киргизскій народъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.в. только образовывался и не имѣлъ никакихъ сношеній съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, откуда вышли Наваи и Бабуръ“. Слѣдовательно, у насъ нѣтъ основаній отрицать *возможность* того, что слово *сартъ* придумано киргизами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Впрочемъ, Наваи одно время былъ назначенъ „хакимомъ“ въ Астрабадъ, но онъ, больше занятый литературными трудами, чѣмъ государственными дѣлами, вскорѣ отказался отъ этой должности.

**) Источники: Тарихи-Рашиди, Тарихи-Хабиби-Сіяръ, Тарихи-Мавлана-Васифи и Тарихи-Рақыми.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣсяца—2 р. 80 к.; на 1 мѣсяць—1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс. 2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 руб.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются въ д. Золотова, пр. Обука. Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9 1/2 до 11 ч.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1277-й.

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 к., два раза—по 9 к. за строчку свыше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и политипажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, преисъ-курантовъ и проч. плата взимается по 1/2 коп. съ лота въса каждаго экзemplяра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя назначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

2 (14) іюня 1894 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 39

ясовъ въ предѣлахъ существующихъ протяженій составляетъ всего около 73-хъ.

О ЗНАЧЕНИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА „САРТЪ“.

(По поводу замѣтки г. В. Бартольда).

(Окончаніе*).

Что названіе *сартъ* дано впервые таджикамъ извнѣ, то это не подлежитъ сомнѣнію, ибо самимъ таджикамъ не было никакой надобности выдумывать для себя новое названіе, когда у нихъ существовали уже два имени: собственное „таджикъ“ и нарицательное „аджамъ“, данное имъ, какъ и персамъ, арабами. Что-же касается до вопроса: кѣмъ именно дано названіе *сартъ* таджикамъ?—то вѣрнѣе всего, что оно впервые дано имъ однимъ изъ тюрко-монгольскихъ народовъ, такъ какъ до столкновенія послѣднихъ съ таджиками слово *сартъ* вовсе не было въ употребленіи, и потому, что въ литературѣ оно *впервые* встрѣчается у Наваи и Бабура (оба тюркского происхожденія), въ смыслѣ тюркскаго названія таджика. Послѣднему моему мнѣнію, однако, не должно противорѣчить то, что названіе „сартъ“ *будто-бы* встрѣчается въ исторіи монголовъ Рашид-эддина, какъ названіе, данное Чингизъ-ханомъ Арсланъ-хану Карлукскому: вся ошибка тутъ, по моему мнѣнію, кроется въ переводѣ на русскій языкъ слѣдующаго подлиннаго выраженія Рашид-эддина: „*фармудя-ки ура Арслани-сартакти гуяндя, яни таджикъ...*“; этотъ отрывокъ, приведенный г. Остроумовымъ на персидскомъ языкѣ въ своей книгѣ „Сарты“, по заявленію автора этого сочиненія, профессоромъ Березинымъ переведенъ такъ: „приказалъ, чтобы его называли Арсланомъ *сартскимъ*, т. е. таджикомъ“. Съ этимъ переводомъ персидскаго текста на русскій языкъ я не могу согласиться по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ), если въ словѣ *сартакти* окончаніе *ти* принять за тюркскую прилагательную частицу, то первую половину персидскаго текста, по моему мнѣнію, слѣдовало бы перевести такъ: «повелѣлъ, чтобы его называли Арсланомъ *сартакскимъ***), а не *сартскимъ*», такъ какъ еще не доказано, что слово *сартакъ* однозначуще со словомъ *сартъ*; напротивъ, я думаю, что если есть что-нибудь общее между этими двумя словами, то не болѣе, какъ простое созвучіе; во 2-хъ), если даже и допустить, что „сартакъ“ одно и то же, что „сартъ“ (въ чемъ я сильно сомнѣваюсь), то явится совершенная несообразность въ смыслѣ подлиннаго выраженія въ томъ, что „повелѣлъ называть его Арсланомъ *сартакскимъ*, т. е. таджикомъ“. Кромѣ того, по законамъ персидскаго языка такъ называемое *приложіе* („яни таджикъ“—то есть таджикъ) должно слѣдовать непременно послѣ того слова, къ которому оно прилагается, а сказуемое (гуяндя) должно стоять въ самомъ концѣ предложенія, заканчивая мысль; въ силу этого грамматическаго правила, вторая половина персидскаго текста должна быть переведена такъ: „повелѣлъ, чтобы его называли Арсланомъ сартакскимъ, т. е. таджикъ...“; причемъ послѣднія слова «то

*) См. № 38.

**) Тюркская прилагательная частица „ликъ“ переходитъ: въ „ли“ и „ти“, напр., „атъ“—конь, „атликъ“, „атли“, „атти“—конный, точно также „сартакликъ“, „сартакли“, „сартакти“—сартакскій, но никакъ не „сартскій“, такъ какъ нельзя допустить, чтобы окончаніе „акъ“ вовсе исчезло изъ слова „сартакъ“.

есть таджикъ...», стоя послѣ сказуемаго, должны быть поняты, какъ начало новой незаконченной мысли, вовсе не имѣя значенія приложенія къ слову „сартакти“, какъ это понято проф. Березинымъ. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками подлиннаго сочиненія Рашид-эддина, я не могу сказать, началомъ какой именно мысли служатъ послѣднія слова приведеннаго выше отрывка. Это съ одной стороны. А съ другой стороны, Арсланъ-ханъ, будучи названъ „сартакскимъ“*), не могъ быть названъ въ то же время *таджикомъ*, такъ какъ слово *сартъ* употреблялось и употребляется одно-значуще со словомъ *таджикъ*, а Арсланъ есть имя чисто тюркское, соответствующее персидскому имени „Ширъ“, и ни въ литературѣ, ни въ жизни не встрѣчается ни одного случая, указывающаго, чтобы имя „Арсланъ“ давалось людямъ персидской крови. Это даетъ полное основаніе утверждать, что Арсланъ-ханъ былъ *тюркскою происхожденія*, а, слѣдовательно, получивъ прозвище „сартакти“, не могъ быть названъ *таджикомъ*. Если это такъ, то отождествленіе слова „сартакъ“ со словомъ „сартъ“ лишено всякаго основанія.

Всѣ эти сомнѣнія, къ которымъ я неизбежно прихожу при критическомъ разборѣ перевода проф. Березина, заставляютъ меня сильно сомнѣваться въ томъ, что названіе *сартъ* впервые дано монголами Арсланъ-хану и что оно употреблялось Рашид-эдиномъ въ своей исторіи; тѣмъ болѣе, мнѣ думается, что Рашид-эдинъ, кромѣ выраженій „сартакъ“, „сартакти“, вовсе не употреблялъ слова *сартъ* въ своей исторіи, какъ народное имя, — иначе это навѣрно было бы приведено г. Остроумовымъ.

Такимъ образомъ, если существованіе слова *сартъ* во времена монгольскаго владычества является сомнительнымъ и если не встрѣчается противорѣчій въ исторіи, то отчего-же не допустить, что названіе *сартъ* впервые введено *киргизами* и происходитъ отъ словъ *сары-итъ* (въ скороговоркѣ *сартъ*, *желтая* (*рыжая*) *собака*), какъ это объясняютъ сами киргизы, приводя известную уже намъ легенду**). Предположеніе, что слово *сартъ* состоитъ изъ словъ „сары-итъ“, на первый взглядъ дѣйствительно можетъ показаться „чистой фантазіей“, какъ выразился Уйфальви, но тѣмъ не менѣе это весьма вѣроятно: въ самомъ дѣлѣ, не могла-же у киргизъ сложиться ни съ того, ни съ сего упомянутая легенда. Если она сложилась въ народѣ, то на это должны же быть какія нибудь основанія; основаніями этими я считаю, во 1-хъ) то, что дѣйствительно напѣвы пѣсенъ у сартовъ***) на киргизское ухо производятъ впечатлѣніе собачьяго воя, а, во 2-хъ) то, что у киргизъ до сего времени существуетъ повѣрье, что нечистый духъ — «шайтанъ» является человѣку въ образѣ желтой собаки; среди киргизъ стараго поколѣнія до того сильно это повѣрье, что если суевѣрному киргизу приснится желтая собака, то онъ нѣкоторое время неспокоенъ душой въ ожиданіи дурныхъ послѣдствій видѣннаго сна. Если мы припомнимъ стародавнія враждебныя отношенія киргизъ къ сартамъ, то неудивительно, что слово *сартъ* на языкѣ киргизъ и по сіе время носитъ характеръ и насмѣшки, и презрѣнія, въ какомъ смыслѣ высказались гг. Гребенкинъ, Терентьевъ и др.

Итакъ я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что слово *сартъ* есть названіе всего туземнаго осѣдлаго населенія Средней Азіи, безъ различія происхожденія;

2) что нѣтъ особаго народа «сартовъ», какъ равно нѣтъ особаго «сартскаго языка»;

3) что тѣ осѣдлые туземцы, къ которымъ примѣняютъ наименованіе «сартъ» г. Остроумовъ и нѣкоторые другіе, есть народъ, образовавшійся отъ узбекско-таджикскаго смѣшенія, присвоившій себѣ особаго названія;

4) что языкъ, на которомъ говоритъ эта смѣсь, правильнѣе всего называть ново-узбекскимъ, и, наконецъ,

5) что названіе «сартъ» могло быть впервые дано киргизами и, вѣрнѣе всего, происходитъ отъ сліянія словъ «сары-итъ», въ скороговоркѣ *сартъ*.

Заканчивая этимъ свой отвѣтъ на замѣтку г. Бартольда, позволю себѣ сказать слѣдующее: излагая мнѣніе свое о значеніи и происхожденіи слова *сартъ*, я нисколько не думалъ и не думаю „выступать въ роли знатока сартскаго народа и языка(?)“, какъ думаетъ г. Бартольдъ, а руководствуюсь однимъ лишь желаніемъ прибавить свое мнѣніе о сартскомъ вопросѣ къ существующей массѣ другихъ разнородныхъ мнѣній по тому-же вопросу, тѣмъ болѣе, что мое мнѣніе, какъ впервые высказываемое однимъ изъ самихъ туземцевъ, если и не будетъ принято, то, по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть

*) Или, какъ это переведено проф. Березинимъ, „сартскимъ“.

**) См. № 146 *Окраины* за 1893 г. и первыя №№ *Прав. Вѣсти.*, *Московск. Вѣд.* и *Оренб. Лист.* за 1894 г.

***) Все осѣдлое населеніе имѣетъ общіе пѣсни и мотивы.

все-таки нѣкоторый интересъ. Во всякомъ случаѣ, не изъ-за чего было г. Бартольду выходить изъ себя и изъ предѣловъ общепринятой вѣжливости. Если бы даже я, какъ это можетъ случиться со всякимъ смертнымъ, впалъ въ ошибку, то и въ такомъ случаѣ моему оппоненту не слѣдовало выходить изъ предѣловъ приличія, а ограничиться спокойнымъ указаніемъ на мою ошибку. Впрочемъ, рѣшить — кто именно зарекомендовалъ себя со стороны «абсолютнаго невѣжества», я или г. Бартольдъ, — предоставляю суду безпристрастныхъ читателей.

Серъ-Али Лапинъ.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

☞ Генераль-маіоры: командиръ 1-й Туркестанской линейной бригады *Худяковъ* и состоящій въ распоряженіи Командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа *Ионовъ* имѣли счастіе 11-го мая представляться Его Величеству Государю Императору.

☞ Представителемъ Туркестанскаго края на международной выставкѣ плодоводства, открывающейся 10 сентября текущаго года, будетъ генераль лейтенантъ А. И. Глуховской.

☞ Конно-желѣзная дорога въ Ташкентѣ. — Кондичіи на постройку конножелѣзной дороги, выработанныя городскою думою, утверждены Военнымъ Министромъ безъ измѣненія. Торги на постройку этой дороги, вѣроятно, состоятся въ сентябрѣ, и можно надѣяться, что въ концѣ будущаго года конножелѣзная дорога будетъ уже дѣйствовать.

☞ „Самопомощь“. — Въ понедѣльникъ, 30 го мая, состоялось общее собраніе ташкентскаго общества потребителей „Самопомощь“ для рѣшенія вопроса объ открытіи дѣйствій общества и выборовъ. Изъ 44 членовъ общества въ общее собраніе явилось 22. Рѣшено немедленно приступить къ началу операцій и на первое время ограничиться торговлею предметами первой необходимости. Въ члены правленія избраны: Ф. И. Медвѣдковъ, Н. С. Лыкошинъ, П. В. Мандрыкинъ и В. П. Тишковъ.

☞ Ташкентское общество велосипедистовъ-любителей. — Уставъ этого общества утвержденъ 22 апрѣля и общество теперь можетъ открыть дѣйствія; по уставу, оно имѣетъ цѣль служить центромъ сближенія обитающихъ въ городѣ велосипедистовъ-любителей въ видахъ содѣйствія распространенію велосипеда, какъ удобнаго и пріятнаго средства передвиженія.

☞ Гроза. — Въ ночь съ 27 на 28 ое мая въ Ташкентѣ была непродолжительная гроза и небольшой дождь.

† Г. Г. фонъ-Фогель. — Ташкентъ понесъ тяжелую утрату: скончался докторъ медицины Г. Г. Фогель. Покойный года четыре тому назадъ былъ переведенъ изъ Петербурга на службу въ нашъ край старшимъ ординаторомъ ташкентскаго военнаго госпиталя и быстро пріобрѣлъ громадное довѣріе, какъ врачъ, и общее уваженіе, какъ хорошій человѣкъ. Самыя трудныя операціи Густавъ Густавовичъ производилъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и многихъ вырвалъ изъ объятій смерти; стоя высоко, какъ хирургъ, покойный былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ врачомъ во общѣ; вѣра въ его искусство была велика и народъ постоянно толпился въ пріемной Фогеля, котораго въ Ташкентѣ знали всѣ безъ исключенія. Густавъ Густавовичъ прибылъ въ Ташкентъ съ значительнымъ развитіемъ чахотки. Злой недугъ продолжалъ свое страшное дѣло. Г. Г. хорошо сознавалъ свое положеніе, мужественно смотрѣлъ въ лицо смерти и боролся съ нею, сколько могъ. Нынѣшнее лѣто онъ рѣшилъ провести въ Чимкентѣ въ надеждѣ, что здоровый климатъ этого города, можетъ быть, поможетъ ему оттянуть печальный конецъ. На-дняхъ Густавъ Густавовичъ отправился въ путь и на станціи Бекляръ-бекъ скончался..... и «смерти вѣчную печать никто не въ силахъ ужъ сорвать».

☞ ПРОИСШЕСТВІЯ въ Ферганской области за вторую половину марта I. Несчастныя смертныя случаи: 1) 15 марта дочь жителя г. Намангана, Мухамедъ-Уста-Мулла-баева, 3-хъ лѣтняя дѣвочка Аимъ Ханъ-биби упала въ арыкъ и утонула; 2) 16 марта на Алаѣ, Найманской вол., Маргеланскаго у., снѣжнымъ обваломъ завалены киргизы: Мирза Исмачѣвъ, Халь-Мирза, Турукъ-Кунбай и Усманъ Халлибаевъ; 3) 23 марта дочь жителя сел. Кушъ-Кунакъ, Каратене-Чаукентской вол., Маргеланскаго у., Мухамедъ-Юсуфа-Карабашева 8 ми лѣтняя дѣвочка Тохта-биби упала въ арыкъ и утонула; 4) 24 марта дочь жителя сел. Чартакъ, Чартакской вол., Наманганскаго у., Мухамедъ Ибрагима Юлибаева, 3-лѣтняя дѣвочка Майфа-биби упала въ арыкъ и утонула; 5) 25 марта жена жителя сел. Дахама, Бабадарханской вол., Наманганскаго у., Тюркя-Хана-Ишанъ Хучае-Зарапи-биби, 16 лѣтъ, страдавшая припадками падучей болѣзни, упала въ очагъ и отъ полученныхъ ожоговъ черезъ три дня умерла; 6) 29 марта сына жителя сел. Шарихана, Маргеланскаго у., 11-лѣтняго мальчика Мадъ-Карими лягнула лошадь въ голову, вслѣдствіе чего онъ и умеръ. П. Убіиства: 1) 17 марта житель Катта-Ташъ-Булада, Янги-Курганской вол., Наманганскаго у., Мурадъ-Али-Фазиль-баевъ нанесъ ударъ палкою по головѣ жителю того же сел. Исманъ-Али-Ибрагимъ